

Дорогой Б., я теперь поняла,
поэту нужна красавица,
т.е. без конца воспеваемое и никогда не сказуемое...

Из письма

ВОРОЖЕЯ Magistralis

*Ты ворожишь над горсткою семян.
Вчера над огурцами, нынче – тыквы.
Вот наше злато-серебро в избытке.
Зачем здесь я?.. Ты позвала меня...*

*Ты позвала – все побоку дела.
Земля узреет пахаря попозже.
Твой голос показался мне тревожным:
то семена родились мал мала.*

*На руки глядя, становлюсь зерном...
Инопланетный в облике земном.
Какая воля здесь дала нам время?*

*На что оно? Ты думаешь о нём,
когда в объятьях вся горишь огнём
и отбираешь для вселенной семя?*

НОВЫЙ ДЕНЬ

*Ты ворожишь над горсткою семян,
как астроном, Вселенную сквозь пальцы
перебирая: «Кто здесь безымян?
Давно пора нам с вами разобраться...»*

Вот это – камень инопланетян,
что прогремел над морем Баренца...
Найди в горсти и, вырвав у Penates*,
из первородного, быть может, таинства,

с любовью приложи его к земле,
дай обрести покой ему в семье,
в которой сложат о скитальце мифы.

Очнувшееся семя даст плоды,
лишь только неустанно бейся ты:
вчера над огурцами, нынче – тыквы.

ЕДИНЕНИЕ

Вчера над огурцами, нынче – тыквы...
Так просто всё под солнцем на земле.
Мы к этой простоте давно привыкли:
чернеет уголь и белеет мел.

Рассматривал я уголь у обрыва:
многометровый пласт миллионы лет
в себя вбирал, будто Иону Рыба,
всё то, что наполняло белый свет.

Все-все цвета, и голоса, и броскость
слились в веков береговую плоскость
в единственной дарованной попытке.

В садах земных, как на картине Босха,
кружатся наслаждений отголоски...
Вот наше золото-серебро в избытке?

ПОЛДЕНЬ

Вот наше золото-серебро в избытке.
Порадуемся, сидя у огня,
что как бы чудо ни казалось зыбким,
но вот оно – могу его обнять.

* Penates – у древних римлян: боги-хранители домашнего огня.

И даже если б стали безъязыки,
на немоту не стали бы пенять.
Бах – глух, но дело вовсе не в музыке...
А будет ли кому тебя понять?!

Для них и разольётся в колокольцах,
в серебряных и золотых их донцах,
бессмертная молекул беготня.

Умаявшись, притихну у оконца,
ответу, сам спросив (в зените солнце):
«Зачем здесь я?.. Ты позвала меня».

VIVAT!

Зачем здесь я?.. Ты позвала меня.
О Муза, кто есть ты, и кто есть я?
Когда ты здесь – то мы с тобой родня.
Трудна у нас в тот редкий миг стезя.

Мне всё дано, но силы дай познать.
(Тут мыслить нам нельзя полушутя.)
Я слышу, что допрежь мне не слышать,
и чувствую, тебя благодаря.

Слова, вы чьи? Спасибо вам, слова;
хотя порою путь до вас кровав!
О Муза! Лучше в мире нет посла.

Вверяешь грамоту? Кричу: «Vivat!»
Явленью счастлив твоему стократ:
ты позвала – все побоку дела.

ВЗДОРНИЕ

Ты позвала... Все побоку дела.
Отдамся весь... Да будем же серьёзны.
Я честен пред собою – испола
дарована нам встреча, но не поздно.

Один, другой раскроется талант –
есть в женской суете немало пользы,
хотя частенько всё это не в лад,
но лучше так, чем одиночеств козни.

Постом Великим друг уйдёт в затвор.
Век умер тот, что звал его Victor.
Сегодня молим с ним: «Помилуй, Боже...»

А думаем: «Рассаду помидоров
пора бы высадить...» О, жизни вздор...
Земля узреет пахаря попозже.

ШУТНИКИ

Земля узреет пахаря попозже.
Снега ещё владыкою всему.
Лишь изредка зимопроводец дождик,
смеясь, напоминает про весну.

Зима – известный каждому художник,
но реалистка, ей претит абсурд:
весенних суток жаркие дебоши,
и почек треск, и птичий пересуд.

Абсурда я другого не сторонник,
не сможет ни квадрат, ни треугольник
нам заменить обычные калоши.

К тебе спешу я босиком сегодня:
«Эх ты, поэт... Опять не по погоде...»
Твой голос показался мне тревожным.

ЗРЕНИЕ

Твой голос показался мне тревожным...
Окликну... и, ответ не получив,
к тебе стремлюсь, да это и не сложно –
сбежать под горку в зелени лучи.

К тебе стремлюсь, мгновенья мною прожиты,
чтобы любимой счастье защитить;
фантазии – мурашками по коже:
вдруг не успею, как же дальше жить?

Расстроена, улыбки нет всегдашней.
На выдохе: «Случилось что, Наташа?
Зачем меня с тревогою звала?»

Испугана... «Я думала...» – неважным
теперь покажется... и тихо скажет:
«...что семена родились мал мала».

ПЛОД

*Что семена родились мал мала,
Адам в тоске сказал сегодня Еве:
– Такие, понимаешь ли, дела...
Ну что мы в праздник отнесём к обедне?*

*И яблоня нам листья лишь дала...
А помнишь те плоды на Райском древе?
О, время од и чувственных баллад!
– Ты уклонился, милый мой, от темы.*

*А к алтарю мы приведём детей –
итоги грешные земных затей;
пусть все мы будем в рубище дрянном.*

*– Да будет так до истонченья дней!
Внемлите! – небеса явили гнев.
...На руки глядя, становлюсь зерном.*

ДУША

*На руки глядя, становлюсь зерном...
Ввергаясь в ловушку смертной плоти,
всё думаю о доме и родном
погосте, что при храме и болоте.*

*Камень там от царствия иного,
когда в двенадцатие народы,
наплывом ледников торя дороги
за-ради братства, равенства, свободы,*

*Москву спалив, удобрили и поле
российское неугомонной плотью...
Но Третий Рим не взял Наполеон.*

*Душа (спаслась тогда в телесной боли) –
владыка жизни, ангел и невольник
инопланетный в облике земном.*

ПИИТ

*Инопланетный в облике земном,
поэт живёт отмеренный свой срок,
порой не различая явь и сон,
полжизни оставляя между строк.*

О счастье размечтавшись, мыслит: дом –
очаг семейный; тридцать лет не мог.
И в Болдине все мысли об одном:
«Когда же буду я у Ваших ног?»

Cholera morbus* – милая особа...
Ей – карантины и телега с гробом
уж поданы, и лошади не терпят...

Судьба насмешлива... Смотрите в оба
и вникните, не ошибиться чтобы –
какая воля здесь дала нам время.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

*Какая воля здесь дала нам время
успеть понять всю тщетность бытия?
Рожденья искру вновь дарует кремень,
на свет выводит через тьму, бурьян.*

Но кто спросил, что голос мой *internus***
соделает, в две дырочки пыхтя?
Любуясь, подумали, наверно:
«Какое это милое дитя!»

Ему ещё помыкаться по свету
столетие придётся без ответа
философичных в поиске тенёт

про формы бытия... И незаметно
придёшь в тупик: разумно только *veto!*
На что оно? Ты думаешь о нём?

*Cholera morbus – шутка А.С. Пушкина в письме по поводу выставленных карантинных по дороге в Москву.

** INTERNUS — внутренний (с латыни).

ПРОЧЬ, ВРЕМЯ

*На что оно? Ты думаешь о нём?
Когда бы в мире не было зеркал,
глотавших по-змеиному, живьём,
кто бы мгновенья в вечности считал?*

*Песчинки Лета смешивает вновь;
но я предпочитаю чернозём
(течёт его запёкшаяся кровь),
под плугом будет он перерождён.*

*Отчёт морщин о смертном беглеце...
Иным ли чем о времени мы рцем?
Всем прожитым ответ наш сочинён.*

*Ты думала ли в девах о вдовце?
Чту времени безвластье на лице,
когда в объятых вся горишь огнём.*

ЭХО

*«Когда в объятых вся горишь огнём...»
Что после этих слов ещё сказать,
чтобы потом не мучиться виной
и без стыда взглянуть в твои глаза?*

*Оставив лёгкость, будем в остальном
чувствительны; взойдя под образа,
нам здесь уже не думать о своём
и не бояться к счастью опоздать.*

*Илья в дождях принёс с собою гром
из райских мест, невиданных хором,
вселенной эхо, может быть, соседней.*

*И значит, очень близок час шестой...
Ты взглянешь: у ковчега снова Ной;
и отбираешь для Вселенной семя...*

ПРОМЕТЕЙ РАСКОВАННЫЙ

*И отбираешь для Вселенной семя
по полноте, по крутости бочков,
земною плотью обретая зренье,
обыденного выйдя из оков.*

Выводят нас так ангелы рожденья
прочь из темницы призрачных веков,
смятенье даруя, но прежде – зренье
и счастье мыслью плыть среди облаков.

Кто выбирает поднебесий тропы,
заоблачны в полыни огороды?
Беспечный я – глухой, слепой бедняк.

Молитве ангел внял, взял на поруки:
пока твержу молитвенные звуки,
ты ворожишь над горсткою семян.

Лемью – Архангельское, 2019